

20.10.95.

Осеев Рубер

«Сегодня я больше похож на Жоффрея»

Интервью с Робером Оссейном

За руденоси — 1995 — 20-26 окт. — с. 10.

— Зачем ставить спектакль по «Анжелике» спустя тридцать лет после выхода фильма?

— Однажды я совершил глупость, сказав при свидетелях, что хочу поставить «Маркизу». На протяжении многих лет твердил себе, как это трудно. И все-таки сделал это... а сейчас чувствую себя припертым к стене. Это ужасно, я не мею от страха. Впервые в жизни меня тащат за собой события. Ты поймешь это, когда увидишь спектакль, если только я не умру или не сбегу. Первый вечер будет не из легких.

— В чем ваш спектакль будет отличаться от фильма?

— Это моя концепция, мое видение Маркизы. Будут и сюрпризы: за тридцать лет мир переменился. Нас окружает все иное, иные тревоги. Моя Анжелика говорит об обскурантизме, нетерпимости, это великий гимн любви, страсти, смерти, это трагедия. Даже если время от времени я и подмигиваю авторам фильма, я не рассказываю о всех тех приключениях.

— Значит, на сцене мы не увидим ее с «тридцатью шестью» любовниками?

— Нет, в моем спектакле, как и в фильме, король домогается ее. В юности она становится возлюбленной Николя. Это первая часть. Вторая рас-

сказывает о ее отношениях с Пейраком, а третья — это суд над Пейраком, которого обвиняют в колдовстве. Роль Анжелики проходит красной нитью через весь спектакль, все держится на ней.

— Как вы выбрали вашу новую Анжелику — Сесиль Буа?

— Я не хотел, чтобы Маркиза ангелов была похожа на Мишель Мерсье, и намеренно выбрал актрису с совершенно иным характером. Сесиль потрясающая — умная, импульсивная, шаловливая. Она может играть любые типы женщин, Анжелику в любом возрасте. Сесиль — человек, который не принимает себя всерьез, до того в ней развито чувство восхищения другими. Она, как ребенок, как одаренный ученик, всегда со своими приятелями, всегда проказит. Совершенно не понимаю, когда она работает, удивляюсь, как ей это удастся: всегда все делает точно, как надо, и все получается естественно, как бы само собой. В свое время я открыл Изабель Аджани в одном из театров Реймса и не скрою, что Сесиль в том же духе. Такая же непосредственная. Когда ее видишь в толпе, можно и не обратить внимания. А оказавшись на сцене, она бежит,

танцует, одевается так, как будто всю жизнь только этим и занималась.

— В Пейраке люди все еще видят вас. Сегодня этот хромой старик со шрамом на лице, образ которого вы создали тридцать лет назад, быть может, похож на вас больше, чем в то время?

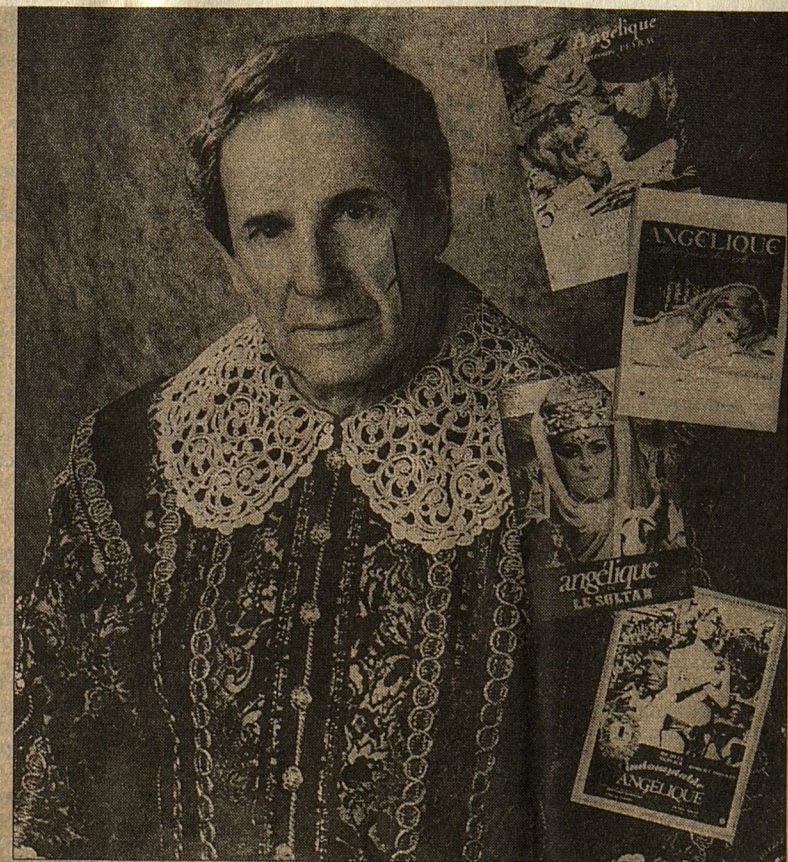
— Хм, неплохо... Я создал Жоффрея, я его сочинил, именно я придумал его шрам (полтора часа макияжа). Пять лет я жил в шкуре Пейрака, да так окончательно из нее и не вышел. «Анжелика» никогда меня не покидала. Порой мне кажется, что я только над нею и работал. Конечно, сейчас я больше похож на своего персонажа. Спустя тридцать лет мне стали ближе его ностальгия, его чувство юмора и насмешки, его грусть, меланхолия, и потом я стал действительно хромым.

— Какой у вас будет костюм?

— Тот же самый. Он мне нравится. Не хотелось его менять, конечно, немного и из-за суеверности.

— Не думали ли вы костюм Жоффрея в этом спектакле надеть на кого-нибудь другого?

— Конечно. Мне не так уж и хотелось снова выступать в этой роли. Люди будут сравнивать. Но я не нашел никого,

кто бы пожелал за нее взяться. Это очень своеобразная и очень трудная роль: колдун, над которым не властно время, делающий золото...

— А после «Анжелики»?

— Я внесу перемены в свою жизнь. Надо изменить все. В то время, когда я был, что на-

зывается, кинознаменитостью, я уже так делал. Все бросил и уехал на два года в Реймс. Чтобы развиваться, надо уметь это — все бросить и уехать. А для меня такая вещь проще простого, у меня ведь ничего нет. Все, что зарабатываю, трачу на театр.